

Л. Абрамов.

ГОНИМЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ

Сказал Господь пришедшим к Нему иудеям: «Аз есмь дверь; Мною аще кто внидет — спасется; и внидет и изыдет и пажитъ обрящет».

Ев. Иоанна гл. 10, зач. 36.

I.

Была ранняя зима. С половины октября выпал снег, а к первым числам ноября уже установился санный путь. Хорошая погода стояла недолго. Стал подувать ветер. Небо покрылось облаками. Повалил снег. Ветер усилился. Метель била с страшною силою в каждую щелку, и ледяной ветер вызывал дрожь и боль в теле.

Жители коротали скучные вечера обособленно: сосед не виделся с соседом. Старики, главы семей, вступали в обучение грамоте детей-внуков. Начинали с азбуки. Старики были серьезны и требовали серьезности от детей. Дети привыкли к приемам нового учения и заучивали «на зубок» ежедневно буквы три-четыре, а иногда и десяток. Вчера заучили буквы, а сегодня урок начинался опять вчерашним, «с задов». Только после тщательного усвоения и поверочной «муштровки» переходили к следующему отделу. Дед, лежа на печке, или занимаясь починкою каких-либо вещей, следил за учащимися. Дети снабжались указками, иногда в свой рост, которыми они водили по буквам и нараспев тянули: «аз, буки, веде, глаголь, добро...»

Указка часто употреблялась и как «понукающее» средство в уразумении науки, если только у учителя не было чего-нибудь более мягкого, в роде двухвостки. Занятия в такие вечера были началом зимней зубрежки. За зиму, по меньшей мере, надлежало пройти азбуку и Часовник или Псалтырь. Когда «программа» успешно проходила учеником в течение зимы, то такового ценили и на другую зиму посылали его к учителю пения, где он знакомился с крюками теоретически и практически. Не протвердившего «задачи» считали лентяем, бесталанным в книжном деле и тогда его готовили исключительно к практическому домоводству. Мужчины, ведавшие дела по хозяйству, смотрели за домом и занимались починкою сбури и обуви. Женщины в такие вечера пряли шерсть, вязали чулки, починяли белье. Здесь же, под монотонное шуршание веретена, усыпляющие звуки чтения нараспев азов, распевались духовные стихи, бывшие в то время в большом ходу. Особенно любили петь духовные стихи старушки. Очень нравятся им стихи, где повествуется о близком Суде Божиим, о близкой кончине человека и мира сего.

Запоет ли кто о душе, странствующей по мытарствам, — и все притихнут. Даже старик-учитель или старушка-учительница заслушается и вздыхает, а дети притаятся и боязливо слушают, чувствуя что-то таинственное в выводимых звуках. Только что окончится пение, как начнутся рассуждения о пропетом.

«Как начнет душа по мытарствам ходить, да как станет она горько плакаться, да о мире скорбеть, вот тогда-то к ней нечистые и представятся».

Другой кто-нибудь добавлял:

«Уж как в первом-то мытарстве тяжело-горько душе-грешнице. Во втором-то мытарстве горше всяких бед душе-мученице».

Третий добавлял то, что ему более других известно:

«Как подведут душу ко первой горе. Как на той на горе котлы шипят, котлы кипят, раскипаются, все грешных душ дожидаются. В них смола горит, разгорается... Поведут душу ко второй горе...»

Так начинались первые зимние вечера в недалеком прошлом. Так проводили их в старообрядческих семьях далеких окраин.

В один такой зимний вечер у старообрядца Гурова происходили занятия по обучению грамоте ребят, и пение духовных стихов, и поправка хозяйственных дел. Вся семья старика Гурова была в сборе. Сам хозяин дома был уже старик лет семидесяти, высокого роста, прямой не по летам, еще дюжий мужик, с белой бородою до пояса. Высматривал он бодро и приветливо. Был ласков в обхождении и шутник порядочный, когда не был занят серьезным делом. Теперь он, уча ребят азам, зорко наблюдал за ходом дела. Он на шестом десятке лет овдовел. Добрая старушка ушла от него первою. Как только она умерла, он с того времени был уже на покое, будучи заменен в управлении хозяйством двумя сыновьями. С тех пор он занялся обучением. Сам он хорошо знал священное Писание, знал наизусть Часовник, Псалтырь и Евангелие. Много читал Библию, прекрасно пересказывал библейские повествования. В последнее время он жаловался на скудость памяти. По его словам, раньше в молодых годах он обладал громадною памятью.

Достаточно ему было прочитать незнакомую книгу св. Писания один раз и он, спустя долгое время, в приятельских беседах или семейных вечерах, приводил тексты с поразительной точностью. Писать он, кроме фамилии, не мог. Сколько ни старался учиться писать, никак не научился.

— Таланту Бог не дал, — говаривал он бывало, — только и могу один «вензель» писать.

«Вензелем» он называл подпись своего наименования.

«Гаврила Гуров» — выводил он по-печатному. Дальше этого в письме он не ушел.

— Одно дал мне Господь с избытком, а другого не дал, — сетовал он на свою бесписьменность, — теперь стало требоваться и это. Бесписьменному плохо. Вексель ли подписать, али другую какую штуку учинить, вот оно и пригодилось бы. Ну а теперь поздно. Время отошло. Пусть вот эти, — указывал он на внучат, — научатся. Да, брат, все чрез науку исходит. Возьмись-ка ты за какое ни на есть дело: научен ему сделаешь, не научен — не сможешь. Уж тут, брат, точка. Коли хочешь жить хорошо, по-Божески учись св. Писанию. Вот теперь гражданские науки пошли, разным там басенкам-прибасенкам учат, а поди-ка ты разнюхай в чем дело, ты и увидишь, что и гражданское ученье от Писания. Вот Библия, к примеру, пригожается: из нее-то и черпают мудрость ученые разные. Да, гражданская наука тоже нужна, но только в меру. Не мудрствуй лукаво, а живи по Писанию, — вот и хорошо будет.

У Гаврилы Гурова, как сказано, было два сына. Одному было уже под пятьдесят лет, а другому лет сорок. У него были еще три дочери, годами между братьями. Дочери давно уже жили своими семьями, здесь же в хуторе. Старшего сына Гаврилы звали Лукою. Он пользовался хорошим расположением у отца, но отец любил больше младшего, Алексея. Оба сына Гаврилы были с женами. У старшего было уже два сына женатых и выданы две дочери. Младший был бездетный. Были в первое время детишки, но померли, а теперь жена Алексея, Агафья, перестала родить: потеря детей и тяжелые роды сделали ее больною женщиной. В первое время по выходе замуж Агафья была в цветущем здоровье. Постепенно, с потерей малышей, она теряла и здоровье. Ей советовали больше молиться. Она уединялась и много молилась. После молитвы чувствовалось облегчение, но стоило только увидеть детей деверя и сношеницы, как сердце обливалось кровью, и слезы лились из глаз Агафьи. Лука с женою Акулиною так ее между собою и звали: «наша страданица». Акулина была совсем другою женщиною. Замуж она была выдана на шестнадцатом году. Луку до того времени не знала и не видала. Просватал ее отец, мать и братья. Из-под их воли выйти было нельзя. Сначала она поплакивала тайком, пока не узнала хорошо Луку. Лука ей полюбился, и они зажили примерным мужем и женою. Глядя на их счастье, только завидовали им. Детками Бог их не обидел: всех они родили двенадцать душ. Трое из них в оспе умерли, а девять были живы и совершенно здоровы.

В семье старик Гаврила пользовался всеобщим почетом и уважением. Дети в старом дедушке души не чаяли. Он баловал их и часто рассказывал им сказки, до которых детвора так падка. Хозяйство, теперь управляемое сыновьями, было образцово оставлено Гаврилою.

Всюду виден был глаз хозяина. Все было в порядке. Всякая палка была у места. Небольшой дом был выстроен из дуба, по-старинному, и покрыт тесом. Другая постройка тоже была деревянная, только крыта соломою: солома своя, не купленная, а значит, она и более подходяща. В глубине двора, отдельно от прочих строений, стоял еще домик, в котором иногда совершались молитвы. Он был нежилым помещением. Служба в нем обыкновенно совершалась приезжавшим священником.

В хозяйстве у Гурова содержалось несколько пар рабочих волов и десятки голов мелкого скота, три пары лошадей. Работника Гаврила никогда не держал. Будучи при силе, он в былые годы управлял делами семейными сам, а теперь его заменили прилежные внуки. Когда он был молод, уже женат, работа горела у него в руках. Обрабатывая первоначально десятины две-три, он вскоре стал владельцем уже целого десятка, а затем, когда подросли помощники-сыновья, хозяйство быстро поднялось, и Гаврила Гуров зажил во славу.

— Главное в нашем крестьянском земледелии — своевременность во всем, — любил, бывало, говорить Гаврила, и слова были путеводною звездой, приведшей его к благоустройству.

Много ему приходилось в жизни перенести тяжелого, «кровного», но стойкая натура выдержала все, и, не засыпая под баюканье нитя, Гаврила преодолевал препятствия и двигался вперед. Летом, в поле, Гаврила не только успевал справляться с работою, но даже находил время заняться охотою с ружьем. Его страстью было убить дичинку к обеду. Как охотник, он был меткий стрелок и знаток птичьего царства. Ему ничего не стоило заметить где-нибудь в зреющем овсе голову дрофы в то время, когда другие ничего не могли рассмотреть. К удивлению всех, Гаврила ложился на тележку, забросанную травой, и запряженную старую лошадь пускал в путь по межке, граничащей с овсом, и ехал в таком направлении до примеченного места. Раздавался выстрел, птицы взлетывали, оставляя на месте пастбища одну-двух убитыми. Удача заражала Гаврилу приливом энергии. Он чувствовал в себе удвоенные силы. И дело у него спорилось.

Но... давно это было. Память уже начинала изменять. Забывались мелочи. Теперь у старика было две заботы в одном направлении: быть самому угодным Богу и вырастить внуков в таком же духе. Любить Церковь, любить ближнего — вот что его теперь занимало больше всего другого. Былая сила и теперь еще сказывалась в нем, но с нею было уже что-то другое. Гаврила не любил много спать. Каждую минутку свободного времени от старался использовать. Теперь Гаврила среди ночи часто вставал с постели и горячо молился перед иконами. Иногда молился по лестовке, клал земные поклоны, если то был пост — пел потихоньку псалмы, в большинстве же случаев правило исполнял по книгам. В молитве он отводил душу. После молитвы он засыпал тихим сном праведника.

Был у него внук Сережа. Однажды, увидя дедушку молящимся ночью, Сережа спросил:

— Ты, дедушка, зачем ночью молишься?

Гаврила подумал и сказал:

— Богу всегда надо молиться ночью. Вот подрастешь, будешь с меня, тогда узнаешь, зачем дедушка ночами молился. Я молюсь о тебе, внучек, и о всех прошу Бога, чтобы Он вас хранил и жизни вечной удостоил. Вставай, да давай-ка вместе помолимся.

— Нет, дедушка, я спать хочу, — молись один.

— Вот с таких лет в них можно вселить леность и беспечность. Нет, внучек, надо тебя вразумить.

И на утро дедушка подозвал Сережу и стал вместе с ним на молитву. А когда окончили молитву, он привлек его к себе, приласкал и похвалил за усердие:

— Всегда молись Богу, умненький мой.

Сереже понравилось молиться с дедушкою, и он горячо полюбил молитву. С тех пор Сережа сам просил дедушку к молитве и пению. Гаврила внимал просьбам юного богомольца и с радостью соглашался отстоять вечерню или часы. Сережа полюбил церковное чтение и внимательно слушал читаемое. Он вслушивался в каждый звук и думал: «Как

хорошо дедушка умеет читать, и Бог слушает его, быть может, вот здесь, в клубящихся кольцах ладана».

Ни одного воскресного и праздничного дня не проходило без молитвы. Гаврила считал своим священным долгом день праздновать в духовном отдохновении, в молитве и чтении книг св. Писания. В эти дни он был особенно радужен.

Все поселяне преклонялись перед добрым Гаврилой Пахомычем Гуровым. С него брали пример. Живым примером он был и для семьи. В семье не было лентяев. Все любили труд. Поселяне прибегали к Гурову за советами. Без него не смели начать какое-нибудь важное дело. Скромность Гаврилы была необычайна: он не любил, что на него смотрят, как на «особенного человека». Он любил простоту. Кто превозносил его, того он стеснялся и стыдился показаться ему на глаза.

Хутор, в котором проживал Гуров, состоял дворов из тридцати. Жителями были казаки и крестьяне; последние жили на «вечности». Гуров сидел на «вечности». Почти все хуторяне были старообрядцы. Раньше было семей десять «никониашек», как их окрестили казаки-старообрядцы, но с течением времени утеряли облик никонианства, а многие присоединились к большинству. Были еще и до сего времени семьи две-три, так называемых «упрямых» и «самовольных». Старообрядцы были искренними ревнителями древнего благочестия. Однако некоторые из них, как наследники предков, имели рвение ко всему относиться до невозможности осторожно и отвергали всякое священство. Другие, наоборот, были сторонниками священства. Несогласия вызывались преемственностью митрополита Амвросия Белокриницкого. Одни из них признавали это священство действительно преемственным от Христа и без преград чрез новшества Никона патриарха.

«Не могло же само таинство священства быть уничтоженным на кострах. Горели в срубках, были моримы священные лица, но ведь дух-то, свойство-то его оставалось на приемниках мучеников? Как Церковь вечна, так вечно и таинство».

Другие сомневались. Им не доставало «вещественных доказательств».

— Мы не желаем признавать такой истинности, не можем согласиться с вами, — был голос вторых.

Однако такие разногласия не клали вражды между жителями. Все обходилось тихо, мирно. Семья Гуровых принадлежала к первой партии. Гуров был центральным лицом, вокруг которого теснились все остальные, как вокруг столпа.

На этих днях Гуровы ожидали приезда духовника. Он жил верст за сорок от них. За несколько дней до этого они были извещены о его приезде. Поэтому Гуровы ожидали его перед метелью, но как только настала метель, то ждать было безнадежно: в такую метель редко кто отчаётся поехать за десятки верст. Тем более затруднительно было ехать о. Анисиму. Живя в отдалении, он должен проезжать по месту, где население не старообрядческое и где свободно можно попасть на глаза «православному сыщику», или попасть в засаду голодной стае волков. Единственно безопасное место, где о. Анисим мог спокойно переночевать, было у доброго старика «православного», который благоговел пред о. Анисимом.

Гаврила Гуров, видя, что метель не стихает, в глубине души предчувствовал, что о. Анисим как раз в такую-то погоду и приедет. Как он приедет в такую непогоду, Гаврила не мог определенно ответить, но был уверен, что буря ему не преграда. Для исполнения святого дела, посещения верующих, он ее не испугается.

В эту ночь, когда все заснули, Гаврила тихонько сошел с постели и стал молиться. Помолился о здравии и раба Божия священноиерея Анисима. Кончив молитву, Гаврила прислушался к вою за окном. Там завывала буря. В комнате царил темнота. Все мирно спало в доме. Где-то пропел проснувшийся петух, крик его был короток, точно во сне. Крикнул, и снова все стихло. Потом, где-то залаяла собака, глухо и протяжно. Ей отозвались другие.

Уж не волки ли? — подумал старик, в этакую мятежную всего можно ожидать. Он прислушался, затаив дыхание. Действительно, собаки кого-то «брали». За кем-то гнались.

— Пойду узнаю, а то неровен час, заберутся в хлев и передушат овец или коров.

Гаврила быстро набросил на себя полушубок, натянул глубокую шапку, надел рукавицы и шагнул к порогу.

Вдруг, кто-то постучал в дверь. Гуров невольно отшатнулся назад. Вслед за стуком послышался усталый голос:

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас.

— Аминь! — громко ответил Гаврила. — Кто там? — окликнул он стучавшего.

— Свой, свой, Гаврила Пахомыч,пусти ради Бога.

Стучавший узнал по голосу Гаврилу Пахомыча — значит, кто-нибудь близко знакомый. Старик двинулся вперед и быстро открыл дверь. Перед ним стоял человек, весь занесенный снегом, с белой в ледяных сосульках бородою.

— Господи, да ведь это ты, батюшка Анисим? — радостно воскликнул Гуров.

— А то кому же быть в такую непогодь, как не мне?

Гуров принял от о. Анисима благословение и повел его в дом.

Переступая через порог, о. Анисим сотворил молитву. В ответ, из темноты, послышался голос: «Аминь». То отвечал один из сыновей Гурова, разбуженный говором. Гаврила провел гостя во внутренние покои, к себе в опочивальню. Он помог раздеться о. Анисиму. Минуты через три к ним вошел рослый парень и внес чемодан с вещами. Он приветливо поздоровался с Гаврилою Пахомычем. Это был сын о. Анисима, всегда сопутствующий ему и прислуживавший ему в качестве псаломщика. Гуров и о. Анисим приветствовали еще раз друг друга и справлялись о состоянии семейств.

О. Анисим был человек семейный, как и Гуров. По происхождению он был казак. Он рано почувствовал призвание к священнической деятельности. Военная служба не давала ему возможности вступить на этот путь, пришлось отслужить действительную службу. Как только отслужил срок службы, так вскоре после этого был избран народом в ставленники на пост иерея.

Хозяин стал предлагать гостям ужин. О. Анисим от ужина отказался, сын же изъявил желание покушать.

В передней комнате бабы уже суетились около печи.

— От ужина отказались. Не откажитесь от самоварчика, — я велел приготовить.

— Да, чайку, пожалуй, можно.

Старик распорядился о том и о другом. Успел справиться и о лошадях о. Анисима.

— Как вы и доехали в такую погоду? Ни зги не видно, хоть глаза выколи, да и буран страшный, — сетовал хозяин.

— Глазок-смотрок, Гаврила Пахомыч, он доведет, была бы охота. Да и что это за метель? Разве в такие метели приходилось плутать по полю и даже ночевать? В такую-то, пожалуй, для нас лучше. Кто подумает, что я приехал?.. В ясную-то погоду «всякий» укажет.

— Да, о. Анисим, трудно нам. Только в непогодь и повидеешь духовника.

О. Анисим сидел у стола и снимал с бороды оттаявшие сосульки льда. Это был уже преклонных лет старик-священник, с потухающим взором, худошав, плечист и высок ростом. Во всей его фигуре проглядывало необычайное спокойствие и сдержанность. Мягкий голос звучал внушительно и приятно. Сын его ростом взял отца и осанкою походил на него. Он был еще юноша лет семнадцати-восемнадцати.

Все посидели молча. Откуда-то издалека ветер донес протяжный вой волков.

— Голодные, окаянные, вот и скулят.

— Еще бы не быть голодным, когда все занесено.

Надо сказать, что подворье Гурова находилось на краю хутора и во время метелей можно было часто слышать с воем ветра и вой волков.

Вошла сноха Гурова и попросила благословение у батюшки подать на стол. Батюшка благословил. По уходе Агафьи, — то была она, — о. Анисим спросил у Гаврилы:

— Что это с нею попритчилось, давно ли она была такая здоровая, радостная?!

— Горюет она, по деткам тоскует, — хворость и одолела.

— Наказание какое! И до чего только горе человека не доводит! А все зря. К чему

тосковать? Бог взял, Его святая воля, супротив Его не пойдешь. Не для чего на себя накликаешь грусть-тоску. Надо просить Бога, чтобы Он дал сил и твердости в вере, — вот и хорошо будет. Легко и жить станет. Никакие беды не сокрушат человека. Нехорошо самого себя изводить!

— Ты, батюшка, ради Христа, как-нибудь поговори с нею об этом, може и вразумишь. Известно, какой народ — бабы. Охи, да ахи. Потом глядишь — и до могилы довели. Уж больно Агафьюшка деток любит. Видит чужих-то, а о своих, умерших, и сокрушается. Горе с нею!

Агафья принесла хлеба, соли, ложек и подала закуску.

Хозяин попросил гостей к столу.

Подали и самовар. Беседа возобновилась. Гаврила Пахомыч справился у о. Анисима, что нового слышно у них там, в жительстве.

Ничего особенного пока не произошло. Беседу «никониане» хотели назначить в Рождественском мясоеде. Был у меня их «сыщик». Приходит и спрашивает:

— Согласны, — говорит, — беседовать с миссионером?

— На каких условиях? — спрашиваю его.

— Миссионер два слова, ваше одно. Вступительное и заключительное скажет миссионер.

— Что ж, говорю, сначала он налжет, а потом и закончит тем же. Нет, уж коли беседовать, так на равных условиях. Пусть хоть здесь-то не будет стеснения для нас.

— Доложу о благочинному, — сказал посланный, и ушел. Ушел и с тех пор не было его у меня.

— Ты что думаешь, Гаврила Пахомыч, думаешь, за этим он приходил? Так да не так! Знаю я, понял, зачем он приходил. Бывал я в таких переделках. Придет он, волк-волком, а шкура-то овца, и начинает расспрос: «как, да что». А больше всего высматривают. Только из-за этого и ходят. Нынче приходит о беседе толковать, а завтра пристав протокол пишет и отсылает по начальству. Застанут нас молящихся, вот и великая радость у них. «Раскольников поймали на нырище!» — Трубят повсюду. Как же, разве можно с нами церемониться! Застал врасплох, ну и души, сажай в остроги, пытай да выпрашивай... А за что? — спросишь у них. — Да за то, что мы свою веру свято храним и бесовские плевелы выбрасываем вон из нее. Даже и помолиться спокойно не дадут: все-то шпионят, всюду расставляют сети. Встали на общественную молитву, не поставили охранять себя от соглядатаев, — пагубных татей и разбойников, — так сейчас же под конвоем отправят, куда им желательно. Теперь еще послабление есть, а раньше, раньше-то что творилось! Невозможно было и в селениях являться. Все по лесам приходилось блуждать или в диких степях укрываться. Вот какое наше житье! Да. Теперь маленькую поблажку дают: «Молись, — говорят, — только без облачений и не расти волосы!» Посмеешь послушаться — живо тебя спровадят в отдаленное место. Разве это по-христиански? Разве так Христос учил обращаться с человеком? Христианин, коверкающий учение Христа, хуже язычника. В язычнике есть душа человеческая, а в поганых отщепенцах вместо нее — семя дьявольское, блудящее и погрязшее в грехе смертном — в человекоубийстве.

О. Анисим был взволнован. Глаза его засветились. Много, очевидно из того, о чем он сказал, переживалось им самим. Он кончил и глубоко задумался. Воцарилась тишина. Ее нарушил старик Гуров, обратившийся к о. Анисиму с вопросом:

— Молиться-то завтра в какое время будем?

О. Анисим поднял голову и как-будто недоумевал, о чем его спрашивают:

— Молиться? — переспросил он. — Молиться... Можно так: утром часы отстоим по управке, а вечером начнем, как только стемнеет.

Гаврила вышел к сыновьям. Он послал одного из них, чтобы повестили всем остальным одноверцам о приезде батюшки и о молитве.

— Тут, у вас свободнее в отношении молитвы, — заметил о. Анисим возвращавшемуся Гурову.

— Да, теперь не тревожат пока, затишье наступило. Недавно посещали и нас. Один раз совсем было заарестовали меня. У меня в доме, в этом вот самом, шла молитва. Мои ребята и другие, умеющие петь по солям, исполняли песнопения. А у дома-то, как на беду, никого и не поставили. Случилось так, что о ту пору мимо проходил атаман (он у нас перевертень и хам), услышал пение у «раскольников», понял, что не простое. Тайком подкрался к окошку и в щелку подсматрел, что книги не простые, а крюковые. Посмотрел и убежал домой. Один-то войти не посмел. Из дома захватил с собою писаря и стражника вооруженного. Ворвался прямо в дом в шапке, как нехристь какой. Мы кончали молитву. Клал начал. Вдруг, видим на пороге грозного атамана.

— Вы что же это, — заорал он во все горло, — тайком неподобные песнопения распеваете? Давайте сюда ваши книги? Где они?.. Писарь, разыщи сейчас и опиши по форме!

— Не смей без разрешения хозяина шарить в доме, — говорю им, — что вы, разбойничьи дети, креста что ли на вас нет, — врываетесь в дом и беснуетесь здесь. Марш отсюда!

— Потихе, потихе, старик! Не испугаешь! — кричит опять атаман.

Книги были еще на аналое. Атаман сам взял одну из них, посмотрел и отдал писарю.

— Берегись! — погрозил он мне и ушел, унеся книгу.

Стоило бы мне крикнуть ребятам и они его живого не выпустили бы из рук. Да что, — думаю, — об негодяя руки марасть, лучше смириться. Терпелив я. Не хочу греха на душу брать. В их руках сила, в их руках власть. Тяжело с ними спорить, а наипаче вступать в единоборство.

— Книгу-то так и не отдали? — нетерпеливо спросил о. Анисим.

— Отдали, только не сразу. Долго держали.

— И что же с нею сделали?

— Да что сделали, — известно что. Описали, отправили бумагу попу. Тот присылает ответ и говорит, что книгу надо отдать. Только заказать «раскольникам», чтобы впредь не пели по ней, и пусть лежит под спудом. Хороший поп подвернулся! Если бы другой кто, то уж наверно приказал бы сжечь. Призвал к себе после того меня атаман, заискивает передо мною, извиняется, что погорячился тогда, и объявил бумагу. Потом достал из-под кровати книгу и подал мне.

— Ничего, говорит, в ваших книгах путевого нет.

— Как это? — спрашиваю.

— А так. Непонятно что-то...

Я смолчал, но про себя подумал: «Как можно тебе понять наши книги, когда ты в них ничего не смыслишь. Тебе бы только на большой дороге разбоем заниматься». Так с тем и ушел от него.

Старик кончил. Было уже позднее время. Надо было заснуть. Времени до утренней молитвы оставалось мало.

Утром, на заре метель стала утихать. Все слабее и слабее были порывы ветра. Сквозь редкие облака показались угасающие звезды. Был сильный мороз. Жители хутора пробудились рано и принялись отчищать снег от порогов домов и ворот. К солнечному восходу ветер совершенно стих. Выходило солнце, красное, большое. Яркими, колючими лучами блеснуло оно по сугробам и крышам жилищ. Оно было в венце, что, по народным приметам, всегда означает тихую морозную погоду.

Гуровы давно уже управили дела и были в сборе. Приходили уже к молитве и другие одноверцы. Для молитвы все было приготовлено в молитвенном доме. Окнами он выходил к северо-востоку. Лучи солнца скользнули сквозь окно и заиграли по находящимся в нем предметам. Молитва началась. Часы читал внук Гаврилы Пахомыча. Он был хорошим чтецом. Читал внятно, не спеша и не «спотыкаясь», как некоторые другие. Певцами были все молодые люди, знающие пение и имеющие голоса, хором управлял сын о. Анисима. Был распущен ладан в горящих углях кадила. О. Анисим произносил молитвы, ектении и кадил молящихся. Кольца ладана клубились в лучах солнца. Приятно было чувствовать

благовонный запах ладана, слушать чтение, смотреть на образа и представлять живыми лики святых, когда-то также молившихся, и гонимых за любовь к Богу. В эти минуты хотелось думать о том, что Бог слышит голос твоей души и даст просимое у Него. Забывалось житейское. Предстоящие на молитве жаждали обновления душевного по милости Бога за их горячую веру к Нему.

По окончании молитвы о. Анисим долго разговаривал с народом. Подробно знакомился с его нуждами, удачами и неудачами в жизни, счастливыми моментами жизни и несчастными. Общим несчастьем было угнетение за веру. Так же подробно ознакомился он с бытом хозяйства в хуторе. Будучи сам земледельцем, он живо интересовался положением крестьянства. Последнею его беседою была беседа с малыми детьми. Он пользовался большим уважением и любовью среди детей. Дети привязывались к нему с первого знакомства.

— Деточки, — обратился он к группе ребят, — не устали Богу молиться?

— Нет, батюшка, ничуть не устали.

— Это и хорошо, детки; вечером, Бог даст, еще помолимся. Ах, какие же вы славные, детки! Молодцы, детки! Всегда молитесь, просите маму и папу, чтобы они вас учили молиться. Когда же вырастете чуть-чуть побольше, станете вот такими (он показал рукою от пола), тогда вас книжкам учить станем. Будете учиться?

— Будем.

— Все будете?

— Все, — отвечали дети хором.

— А Боженьку вы любите?

Дети взглянули на иконы.

— Какого? Вот этого? — указал один мальчик на образ Николы Чудотворца. О. Анисим улыбнулся вопросу.

— Нет-нет, не этого. Это — Никола, святой угодник Божий.

— Никола... — прошептали за ним дети.

— Да, Никола. Хороший старик, милостивый. Видите, какой он ласковый. Только я не про этого спросил. Вот Этого любите? — указал он на Господа Саваофа.

Дети закивали головками в знак согласия.

— Любите? Ну, молодцы, детки! Любите Его, и вы всегда будете умненькими деточками.

II.

День склонился к вечеру. Погода во все время дня стояла чудесная. По дороге, мимо двора Гаврилы Гурова проехало несколько саней. Ехали крестьяне. Вслед за ними быстро промчалась пара заиндедевших лошадей с колокольчиками. В санях восседали двое неизвестных и кучер. Один из неизвестных был закутан в енотовую шубу с большим воротником. Другой был одет в чиновничью шинель с капотом. Гуров, обеспокоенный колокольчиками, послал узнать: проехали ли неизвестные дальше или остановились в хуторе. Посланный, возвратившись, сообщил, что «господа» проехали дальше. «Значит можно не беспокоиться. Ночная служба, Бог даст, пройдет в мире и тишине» — так рассуждал старик. Днем к о. Анисиму приходили старообрядцы-беспоповцы, и имели с ним продолжительный разговор.

Между ними завязывался спор о погрешности церковей: западной, господствующей в России и о некоторых других видах ее. Затем перешли к разбору священства. Беспоповцы не хотели согласиться и в вопросе о законности и истинности старообрядческой, Белокриницкой иерархии. Доказывая законность таковой, о. Анисим не мог мириться с упорством пришедших, признававших безусловно правыми свои воззрения и понимание Христовой Церкви. Так и не могли столкнуться на чем-нибудь положительном. Что одним утверждалось, то другими отвергалось, хотя бы это было бесспорно точно, правильно и

законно. Недоверие к мнению ближнего наполняло их. В одном только мнения сошлись, были общие: на господствующую церковь все смотрели, как на исполненную всякими новейшими веяниями в области религиозного мышления от Запада. Находили даже что-то общее между Западной церковью и Российской. Строго осуждали церковь, находящуюся под опекою у государства. Такую церковь они признали подобной служанке состоящей на иждивении государства.

Посещение беспоповцами о. Анисима было загадкою для него. Обыкновенно они избегали встреч с духовниками. И вдруг пришли. Что они преследовали своим посещением, он не знал. Одно лишь ясно было: они что-то имели в виду сказать, но так и ушли, не сказав. О. Анисим догадывался, что их посещение было «искушением» его, о. Анисима. Он понимал, что у них в мыслях, в самых отдаленных ее уголках есть жажда — объединиться в «едино тело церковное». Для этого стоило только пожертвовать своими предрассудками. В этом направлении у него зародилась твердая уверенность: рано или поздно, но они покорятся голосу совести и протянут братскую руку им, попovцам.

Цели посещения вышедших беспоповцев не понимал и старик Гуров. Он тоже никак не мог в «толк этого взять».

Стемнело. Мороз стал усиливаться, появились звезды. Наступила темная ночь. Вскоре стал сходить народ ко всеобщей. Теперь пришло больше, чем утром, к часам. Утром многие не могли прийти, ибо не знали еще о приезде о. Анисима. Алексей ходил ночью с повесткою, но всех не мог пройти: сугробы мешали, да и устал очень на холоду.

Хуторяне все были хорошо знакомы о. Анисиму. Всех, начиная с двадцатилетнего возраста и кончая новорожденными, он крестил и над многими совершал таинство брака. И за все время своих поездок всегда надо было остерегаться внезапных нападений гонителей. Не было ни одного часа времени, когда можно было не опасаться за дальнейшее существование. Ведь тот же, давеча проехавший чиновник, мог завернуть к Гурову в дом отдохнуть и возможно, что его зоркий глаз усмотрел бы присутствие в одном с собою доме гонимого наставника; а усмотрев, он не отпустил бы его без «начальнических наставлений»; ему приятно было бы разогнать дорожную скуку прикрикиваньем на батюшку. Кто знает, быть может, чиновник с большим аппетитом и не остановился бы на мелочах, а пошел бы еще дальше... Гуров распорядился, чтобы ребята молодые по очереди выходили и посматривали вокруг моленной, а то, Бог знает, как бы чего не случилось.

Лица молящихся опять были торжественны, сияющи, бодры. Не замечалось усталости и той сонливости, с какою иные стоят на молитве. Здесь же все хотелось стоять, взирая на лики святых, слушать божественное Писание и размышлять о его высоком значении для жизни человеческой.

После шестой песни о. Анисим обратился к народу и стал читать толковое Евангелие. Изъяснялась притча о добром пастыре. О. Анисим читал негромко, но внушительно и кое-что пояснял своими словами. Слушатели внимательно ловили каждый штрих из книги жизни, каждое толковое объяснение вливалось в душу и вызывало в ней отклик и готовность последовать согласно учению Великого Учителя — Христа.

О. Анисим читал:

— Евангелие: «волк же расхитит их и распудит овцы». Толкование: «Волком именуется губитель и злословен человек и диавол, которым и лев, лютый зверь, называется; и змий, и скорпий, и аспид, и василиск, и многие другие. Он же многими словами прельщает и растлевает человеческий род...»

И дальше было:

— Евангелие: «аз есмь пастырь добрый... и душу мою полагаю за овцы... И глас мой услышат, и будет едино стадо и един пастырь...» Толкование: «Да слышат убо, яко «едино стадо и един пастырь», Той-бо есть Бог, Новому Завету и Ветхому, един Господь и едина вера, и едино крещение; еда ов убо верою оправдася, ов же дела, еда ов убо крещением свободися, а сей ни. Един Бог и Отец всех, иже тако благоизволи...»

Был канун праздника Иоанна Златоустого. Чтение было святому празднуемому. Мерно

раздавался в тишине голос читавшего. Внимание слушателей было напряжено. Хотелось все понять, все уразуметь. Но многое оставалось неясным, трудно усвояемым.

Поучение приходило к концу. У батюшки голос задрожал, на глазах показались слезы. И, как отклик на его волнение, послышался тихий плач женщин. Гаврила Пахомыч слушал, размышлял и, по мере развития истолкования, все серьезнее и задумчивее становился. В душе его происходила буря. Волны житейские погружали ее, но она ускользала от них и неслась в чертоги Отца Небесного. Она жаждала успокоения, забытья о земном.

Все, начиная с малюток-богомольцев и кончая Гаврилою Пахомычем, чувствовали призыв к небесному, к обновлению, — и умиротворялось им. Дом молитвы был домом верующих, уповающих на лучшее будущее родной религии...

Вдруг, вошел дежурный парень и что-то шепнул на ухо Гавриле Пахомычу. Гаврила Пахомыч засуетился и быстро вышел на двор.

Пронесся тихий шепот.

— Слушайте, слушайте! — заметил молящимся батюшка. На мгновение шепот смолк.

Чтение продолжалось. Кто-то опять вошел со двора. В моленной была полутьма. Опять пронесся более явственный шепот, и все недоумевающе обратили взор к двери. За дверью послышался сердитый голос, кричавший:

— Молчать, молчать!..

Сердце о. Анисима больно сжалось. Он остановился.

— Что там такое, что за шум?

Никто еще ничего не мог сказать. Мужчины стали выходить на двор. Женщины боязливо оглядывались, заплакали дети и жались к матерям.

О. Анисим ожидал.

Крик продолжался.

Но вот вошел Гаврила Пахомыч, бледный, взволнованный и беспомощный, как ребенок.

— Что там такое, что за шум? Что случилось? — обратился к нему о. Анисим.

Гаврила Пахомыч не слышал вопроса. Вдруг он заплакал горькими, обидными слезами. Заплакал и повалился на скамью.

— Не ожидал я на старости лет этого, никак не ожидал. Другое что-нибудь еще возможно, допустимо, а это — нет, нет, нет... Господи, спаси раб Твоих от рук супротивного!

О. Анисим и другие все еще ничего не могли понять из слов Гурова.

— Что там? Уж не пожар ли? Или не волки ли скот передушили? Нет, этого не может быть, — пронеслось в мыслях о. Анисима.

Он давно знает Гаврилу. Гаврила над такую потерю только сокрушится сердечно, но не будет так безутешно плакать. Нет, что-нибудь другое, более важное, случилось.

— Злые люди, помешали мы им. Молились мирно, чинно. Так нет, нате-ка, испейте яду и умрите, — опять зашептал старик.

— Батюшка, о. Анисим! — вдруг растерянно и громко воскликнул он. — Как же теперь? Ведь дом молитвы-то запрут... Как же быть-то?

Теперь только все стали подразумевать что-то ужасное и гнусное.

— Вон там они, нехристи, душепродавцы... Закрывать хотят дом-то, опечатать... Прямо сейчас, ночью... «Молчать!» — крикнул на меня-старика...

Сказав это, Гуров прослезился. Плакали и другие, мужчины и женщины.

Случилось же на дворе следующее.

Вызвавшими Гаврилу Пахомыча оказались проехавшие днем незнакомцы. Один из них был пристав, другой — миссионер. Они, без дальних разговоров, прямо приступили к делу.

— Вы что тут собрались?! Радения что ли устраиваете?! — гадко съязвил миссионер. Новое идолослужение вводите?! — вопил он. — Где ваш уставщик, — жрец ваш? Подавайте его сюда, да живее!

— Что вы, что вы, «добрые» люди, с чего вы это все взяли? И почему непременно ночью? И какого такого подавай вам уставщика?

Выступил на сцену и пристав.

— Вам запрещено устраивать моления, и вы это знали и знаете прекрасно. Но вы собрались, молитесь... По закону и по требованию «православной» церкви, вот в лице о. миссионера, вы должны покориться мирно, — в противном случае, вы будете караться законом. Мы обязаны...

— Ох, Господи, Боже мой, никак в толк не возьму, что все это значит?

— Убирайтесь отсюда все, — вот что это значит! Нам надо запереть моленный дом. Да покажите нам своего уставщика! Нам надо с ним поговорить. Слышите?! Поняли?!

Последним Гаврила Пахомыч был оглушен. Такого удара он не ожидал.

— Какое нахальство, какая дерзость, какой разбой, какое богохульство! — прошептал он.

Миссионер услышал шепот старика и вспылал:

— Молчать, молчать!..

Это происшествие и вызвало переполох.

Когда Гаврила Пахомыч ушел и долго не возвращался, то у ожидавших его возвращения пристава и миссионера лопнуло терпение. Вышедшие мужчины спрашивали, зачем нарушают молитву христиан, миссионер на это сказал:

— Ваша молитва настолько же христианская, насколько и калмыцкая!

— Как, что вы, кто вы! Что вы за богохульник?

— Кто говорит? С кем говорит? Это что? — крикнул пристав и взялся за саблю.

Толпа хлынула в моленную.

Здесь произошло настоящее смятение. Все волновались, плакали, растерялись. Только один о. Анисим старался сохранить видимую твердость и спокойствие, хотя в душе у него похолодело.

Вслед за вбежавшими мужчинами грузно ввалились и власть имущие.

Первым выступил и здесь миссионер. Он прямо обратился к о. Анисиму.

— Вы — священник? О, да! Я вижу, — вы заделались в иереи. А где у вас документы? Дайте их сюда, удостоверьте вашу профессию! Что ты за человек? На каком основании надел священное облачение?

О. Анисим твердо, не робея, ответил:

— Я — духовный отец своей паствы и, как духовный, ношу соответствующую званию одежду. А вы, батюшка, сначала бы поклонились святым иконам, да молящимся отдали почать, а потом и опрашивали... Что вы, как тать в нощи ворвались сюда и чините грубую, насильственную расправу над беззащитными?

— Это кто говорит? От кого слышу? Ах, ты расстрига! Ты еще дерзаешь мне упреки сыпать. Собирайся, снимай с себя сейчас же свою хламиду и убирайся со всем своим бессловесным стадом! Слышишь? Я приказываю!

— Здесь дом молитвы. Вы — не басурмане, понимаете, знаете, что только скоты не знают приличий вежливости. Мы церковное правило исполняем, молимся. Оставьте нас до утра, дайте помолиться.

— У нас нет времени ожидать вас. Повторяю вам всем, — миссионер обернулся кругом, — сейчас же вон отсюда, иначе я вас закупорю здесь, как селедку в бочонке!..

— Безбожник! Постыдился бы хоть Бога! — раздался женский голос из толпы. — Разве здесь место заточения? Попомни, антихрист, тебя Бог накажет за твое анафемское злодейство!

Женщина взвизгнула и вышла вон. На пороге она остановилась и крикнула всем остальным:

— Идите, идите отсюда! Оставьте их... Пусть разбойничают.

За нею стали выходить и другие, мужчины и женщины. С камнем на сердце покидали дом молитвы старообрядцы. О. Анисим медленно разоблачался, как будто ожидал, что гнев

перейдет в милость к изгнанным. Но, увы! Перед ним стояли две бесчувственные машины, заведенные сильною десницею и бессмысленно исполнявшие все ее приказания!

— Ты вот что, самозванный поп, — обратился к о. Анисиму миссионер, — скорее собирай свои пожитки, да улепетывай восвояси, пока еще у нас милость к тебе есть. Да не смей ослушаться, иначе завтра же ты будешь в кандалах! Живей поворачивайся!..

Покорно, скрепя сердце, направился к дверям и о. Анисим. У дверей он остановился.

— Грозный ты судья, вижу, что нет милости у тебя ни к старику, ни к младенцу, ни содрогания перед судом Божиим, жесток ты и лют, как дикий обезумевший вепрь в дебрях лесных. Ты ломаешь жизнь людей, как ветви в лесу; разрушаешь счастье людей без сожаления; грабишь последнее утешение в их горемычной жизни; гонишь их; грозишь острогами, пытками, плахами; готов ради своей корысти губить тысячи неповинных; ты служишь не Богу, а бесу; угождаешь тем, кто тобою властвует, у кого ты в кулаке сидишь, как самый ничтожный из земных; и ты ли пришел лобзать иудиным лобзанием неповинных ни в юте единой? Отвечай, если ты человек. На твоем челе печать антихриста и сила ее велика: она ведет тебя, куда захочет демон. Ты продался ему ради мзды. Какой же после этого у тебя может быть свой рассудок? Ты преисполнен лицемерия и безумного неверия.

Отец Анисим все это так быстро сказал, что миссионер и пристав не успели рта разинуть, как он, положив три земных поклона перед иконами, со слезами на глазах вышел вон. За ним грянул гром ругательств пристава и очнувшегося от столбняка миссионера. Последний даже сделал прыжок к двери и закричал:

— Держи его! Держи его!..

Но задохнулся от душившей злобы и не мог продолжать погоню.

Все вышли. Лишь один Гаврила Пахомыч сидел задумчиво в уголке, на лавке, и прислушивался к происходившему. Он тихо творил молитву. При общем беспорядке, он остался незамеченным ушедшими. Он тяжело дышал. Борода его была взмочена слезами. Его заметил пристав и подошел к нему.

— Эх, старик, старик, понимаю я тебя. Чувствую только теперь, что уже сделано. Но, поверь, так должно быть. За все то, что сейчас здесь произошло, я готов многое отдать, лишь бы оставить всех в покое. Но поздно. Нельзя. «Закон» требует. Понимаете: «За-ко-н». Ты знаешь наш русский закон? О! ты не знаешь его. Нет? Ну, так вот любуйся им, благодари юристов, выработавших его. Они — синод, новое учреждение, неслыханное, небывалое в русской церкви!..

Миссионер все время стоял у дверей, у свежего воздуха, — его брала одышка.

Гуров встрепенулся, как от сна.

— Господи! Если бы можно хоть одну службу отстоять, кончить благополучно эту. За что беззаконники так кощунственно расправляются с беззащитными, бесправными и мирными людьми? Вам, может быть, крови хочется, — старик повысил голос, — жажда еще ее испить, так берите меня, старика, казните, упейтесь ею и напоите потомство свое, влейте в них отраву ненавистничества к ближнему, заповедуйте им искать душевного облегчения в мучениях безвинных, забитых, угнетенных и вечно оскорбляемых!

Все это старик сказал в глубоком раздумье, точно в бреду. Потом он остановился и, болезненно вздохнув, посмотрел на «начальство» долгим пронизывающим взглядом, точно угадывая сокровенное их душ. Затем отвернулся, воздал почесть иконам и, шатаясь, неверными шагами пошел в двери.

— Безумный старик! — убежденно воскликнул миссионер.

Пристав молчал. Он чувствовал себя дурно. Последняя сцена его потрясла и вызвала жалость к угнетенному народу. Ничего подобного он не ожидал здесь встретить. Он сюда шел как на бой. И вдруг, встречает детскую покорность во всем.

Гаврила Пахомыч, ступая по порожкам, поскользнулся и упал в сугроб снега. Упал и закричал о помощи... Прибежали сыновья. Всполошилась вся семья.

— Кто тебя, что с тобою? Уж не лиходеи ли тебя вышвырнули? — посыпались вопросы.

— Нет... сам. Они не знают, что делают. Они — слепцы. Неразумные. Оставьте их, не кровяните рук. Пусть опечатавают. Так Господу Богу угодно.

Старик утих. Его отнесли в дом и уложили в постель. Он попросил о Анисима к себе.

— Отче, ты завтра поезжай отсюда. Я видел: зло на тебя смотрел миссионер, задумывал, верно, что-нибудь пакостное тебе учинить. Поезжай от греха... Благослови меня, я засну, устал... Отец Анисим благословил Гаврилу Пахомыча и удалился. А рано утром он выехал домой.

Дом был опечатан.

В первую ночь к нему была приставлена стража. Потом он оставался без охраны и неприкосновенным. Собственность Гуров перешла в собственность казенной печати, повешенной на дверях.

Старик Гаврила Гуров с того случая был разбит параличом. У него отнялись правая нога и рука, не исправившиеся до самой смерти. Долго он скорбел о закрытом молитвенном доме, томился ожиданиями близкого открытия, но ему не суждено было дожидаться светлого дня. От перенесенного удара он постепенно успокаивался и поправлялся. Прошли годы, и он по-прежнему стал бодр, ласков, но задумчивее прежнего. Он занимался обучением ребят грамоте. Все так же твердили они: «аз, буки, веди...»

О. Анисим избегал встреч с миссионером и изредка навещался в хутор к Гурову. Так, однажды, заехав к Гурову, он и старик Гаврила вспомнили про бывшее общее горе и теряли уже надежду дожить до иного времени. Оно им только грезилось. Они были уверены, что вечно так продолжаться не может, что придет время, счастье улыбнется, если не им, старикам, стоящим у могилы, так их внукам, а, быть может, и сыновьям; что настанут другие люди и поймут заблуждения своих предков; поймут и дадут свободу угнетенным, поруганным, беззащитным. Тогда другое отношение будет к чувству верующего и с другой стороны посмотрят на скорбных старообрядцев всех согласий. А когда это будет? Гадания были туманны, сбивчивы. Трудно предвидеть, что будет завтра, не говоря уже о годах, и, быть может десятках лет, веках.

О. Анисим скончался через два года после последнего посещения Гурова. Гуров его пережил. Он жил еще целый десяток лет. Много хорошего он дал своим питомцам-ученикам. С благодарностью они вспоминали его и поминали имя его в молитве.

Смерть его застала на десятом десятке лет жизни. Он тихо истаял. Вместе с ним погребена и его надежда на воскресение мертвых в необъятной России — дарование свободы не только крепостной, но и религиозной, и общенародной.

Последними его словами были:

— Потерпите еще — Бог милостив.

Л. Абрамов.

Из журнала «Голос Церкви». М., 1918 №2 С.93-105; №3 С.163-170.